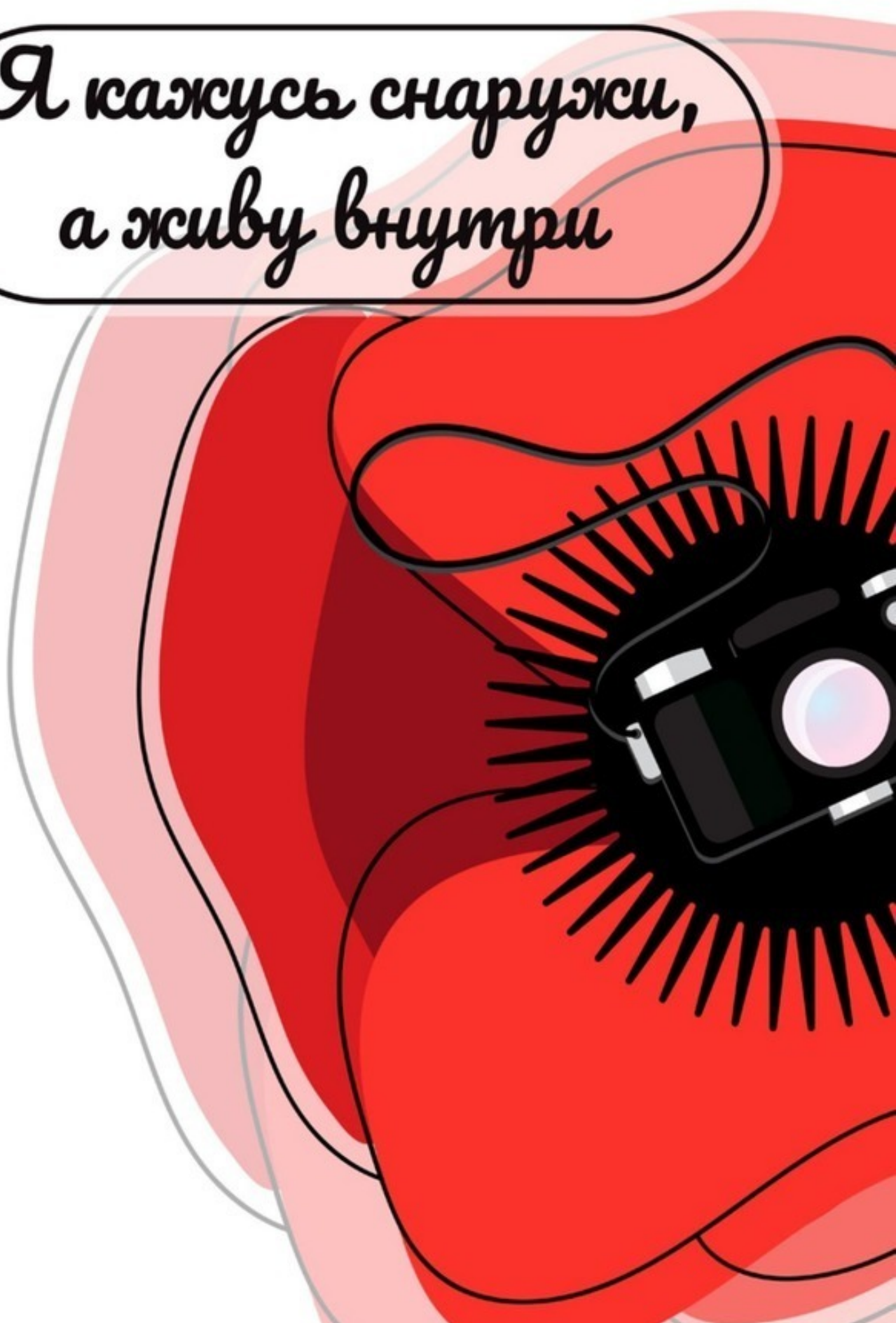

Анастасия Н.

Я кажусь снаружи,
а живу внутри

Анастасия Н.

Я кажусь снаружи, а живу внутри

«Издательские решения»

Н. А.

Я кажусь снаружи, а живу внутри / А. Н. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556758-1

Героиня книги приезжает в город, жизнь в котором выглядит идеально. Она гостит у бабушки, ходит на концерты, знакомится с местными жителями и предаётся детским воспоминаниям. Но именно благодаря воспоминаниям она понимает, что во всем этом идеальном мире что-то не так.

ISBN 978-5-00-556758-1

© Н. А.

© Издательские решения

Содержание

I. Поезд в Ковыль	6
II. По птичьим следам	8
III. Концерт при открытом окне	9
IV. Тихо, как в библиотеке	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Я кажусь снаружи, а живу внутри

Анастасия Н.

© Анастасия Н., 2021

ISBN 978-5-0055-6758-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Поезд в Ковыль

Я ехала в поезде, глядя в стеклянный потолок, где отражались перекладины моста, который мы проезжали. Все казалось таким странным: люди, мост, да и сам поезд. Я раньше никогда не видела поездов, где бы окно начиналось с одной стороны поезда, проходило через потолок, а заканчивалось с другой стороны. Это было похоже на большую стеклянную трубу. После того как мы проехали реку в окна стали видны лишь деревья: слева, справа, вверху. Казалось, что люди, идущие в поезде, прогуливаются по аллее, а я в этой аллее лежу на лавочке и вглядываюсь в лучики солнца, пронизывающие воздух через ветви деревьев. В воздухе было видно даже самые маленькие пылинки, поднимающиеся от одеял. Поезд ехал очень быстро, но внутри царило спокойствие. На соседних полках лежали мужчины и женщины, перелистывающие журналы и читающие книги. На полу, возле нижней полки, играли дети с мячом. Красные, желтые, зеленые, синие полосы мяча сливались с солнечным лучиком, падающим на пол, другой луч грел мне ухо. Вдыхая свежий воздух, который пропускала вентиляция между окнами, я дремала.

Спустившись на первый этаж поезда, я вышла на небольшой станции. Она была длинной с поезд, накрытая широкой крышей, стоящей на колоннах. Между этими колоннами на крыше выступали козырьки. Некоторые колонны были обвиты диким виноградом. Где-то стояли вазоны с цветами, где-то цветы росли прямо между плиткой, уложенной с большими промежутками одна от другой так, что с далека подстриженная трава казалась сплошным газоном. Вокруг этой просторной площадки было посажено много различных деревьев и кустов. На некоторых уже висели плоды, некоторые еще цвели. Интересно, что все деревья были невысокими и разными, под многими стояли лавочки, где отдыхали приезжие и горожане. В зарослях среди зелени пробегал шустрый летний трамвайчик на четыре вагона.

Поезд прогудел два раза, отправляясь с пирона к своей следующей станции, а я пошла к трамвайчику. Мимо меня пробежали мальчишки с деревянными парусниками и моторными лодками. С другой стороны была небольшая речка, где можно было испытывать все, что плавает или хотя бы немного способно к этому. Подходя к посадке, я услышала гул, который бывает в улике в самый разгар лета. Лавочки под деревьями, которыми был обсажен трамвайный путь, пользовались огромной популярностью у местных жителей. За рельсами был большой парк с клумбами, фонтанами, беседками, фруктовыми деревьями. Вдалеке виднелись карусель и качели. Тут подъехал трамвайчик. Хотя трамвай не конный, водитель почему-то сидел снаружи на специальной лавочке. Внутри сидела женщина, которая продавала билеты. Купив талончик, я уселась со стороны, где лучше было видно парк. Трамвай шел по самому краю парка. Возле лавочек были видны маленькие фонтанчики разных форм, размеров, цветов. Из одних можно было напиться, другие были предназначены только для полива цветов. В зарослях выглядывали качели-лодочки. Из-за кустов виднелась крыша карусели: День и Ночь. Трамвайчик спокойно катился по своему пути, выезжая из аллеи на мостик, пересекающий речку и обратно в арку из деревьев. Три городских трамвайчика бегали друг за другом целый день, доставляя жителей на работу, в гости, в кино и театр, в парк или на вокзал. Дети могли просто кататься, находя это очень забавным: выглядывать из несуществующих окон на траву, по бокам рельс. Уже был вечер, я вышла на остановке возле лавки булочника. На прилавках была выложена свежая вечерняя выпечка. Горожане кружились у лавки, выкрикивая: «Оставь мне ржаной хлеб!», «Милый, не забудь, мне булочку с яблоками», «Держи деньги, девять пирожков с капустой». Я подошла ко всей этой канители и мне удалось купить теплую булочку с вишней и по соседству раздобыть молока у молочника. Идя по улице мимо двухэтажных домов, выкрашенных в зефирные цвета, я увидела достаточно знакомый дом с балконами на колоннах по краям. На одном балконе сидели мужчины, играя в домино. В беседке у входа

бабушки обсуждали своих внучек и внуков и хвастались их достижениями. Среди бабушек, прислушиваясь к своим сверстницам, сидела Виталина Марковна или Лютик, как называла ее я. Казалось, что я не видела ее целую вечность. Завидев меня в темноте, она чуть не взвизгнула, подскочив от радости и подбегая по-моложавому ко мне. На лице ее сияла улыбка, которая мгновенно сбрасывала ей лет двадцать и вселяла в душу какое-то удивительное тепло.

Мы поднялись с бабушкой на второй этаж. В коридорах дома было свежо, гулял приятный летний ветерок, цветы, покачиваясь ему в такт, потихоньку меня усыпляли. Бабушка говорила, что испекла прекрасные пышки, они получились лучше, чем она пекла в прошлый раз, тесто настоялось правильно, она не проспала и оно не вытекло на стол. Мы шли по просторному коридору в деревянном светлом полу, покрытом лаком, отблескивал свет фонариков, развешенных по стенам часто, как пуговики на детском пальто. В конце коридора в открытой беседке-балконе сидели мужчины, они играли в шахматы, сменившие домино, и о чем-то спорили. Не доходя до конца коридора, бабушка повернула вправо и распахнула двери, меня с головой окатило запахом сдобных теплых пышек. В квартире тихо тикали настенные часы с кукушкой, на полу лежали новенькие плетеные коврики. Стены были покрыты светлой краской, на них были нарисованы мелкие миленькие цветочки. На столе, покрытом скатертью, стояла корзина с пышками и кувшин с вишневым компотом. Я села на стульчик, укрытый мягкой подушкой, с вязаными кружевами по краям и смотрела в дальнюю комнату, где в эркере с тремя окнами был большой стол-подоконник, который я так люблю. Бабушка рассказывала о последних новостях города, о новом фонтане в парке, о булочках с еловым вареньем, которые стал печь дядя Паша и которые так полезны, о том, как внук Светочки упал с велосипеда и долго не хотел мазать перекисью свое боевое ранение, поскольку считал его своей гордостью. После душа, взбитые пуховые подушки и запах высушенного на свежем воздухе постельного белья казались крыльями ангела, который обнимает и убаюкивает уставшее тело. Бабушка, поцеловала меня в лоб, и тихонько прикрыв, дверь ушла спать. Из открытого окна дул ветер, вздымая воздушные занавески, меня поглотил теплый сон.

II. По птичьим следам

Утром я проснулась от мурчания кошки. Она сидела у меня в ногах и рассматривала себя в железном шарике на спинке кровати.

– Иди ко мне, Пышечка!

Киску называли Пышкой не просто так. Первая пышка, которую пекла бабуля, всегда доставалась ей.

С Пышкой на руках я подошла к окну, из которого веяло свежестью и росой, с аллеи, видневшейся из окна, доносилось утреннее пение птиц, от которого Пышка была просто в восторге, она жмурила глаза, массировала мое плечо своим острым маникюром и что есть мочи мурчала.

После душа я быстро съела пышку, выпила кофе с молоком и побежала в сквер. Бабушка еще спала.

Было удивительное теплое весеннее утро, в воздухе стоял свежий запах росы. Обойдя дом, я перешла улицу и оказалась на длинной уютной аллее. По обе стороны гранитной дорожки были высажены липы, абрикосы, груши, сливы, местами росли кустики смородины и крыжовника. По краям дорожки, в стоках, укрытых металлической решеткой текла вода. Если дождя не было, то воду запускали специально для полива деревьев. В траве щебетали птицы. Еще никого не было, поэтому они смело искали что-то на земле. С той стороны, где начиналась аллея, доносился звук фортепиано. По всей видимости, музыкант готовился к выступлению. Сегодня был четверг, а по четвергам в десять часов утра город собирался послушать какое-нибудь произведение, играемое мастером своего дела.

С ветки вспорхнула птица и полетела в сторону музыки. Я на секунду позавидовала ей, как много она может увидеть в своем полете. Сейчас она пролетит по аллее и попадет на маленькую аккуратную площадку перед музыкальным залом. На площадке стоят высокие лавочки со спинками, а по их бокам расставлены вазоны с голубыми петуньями, льном и васильками. Мелкую мозаику, выложенную по земле, подметет женщина с высокой прической и в цветастом переднике. Вид у нее строгий, как у любого блюстителя порядка. Затем птичка залетит в музыкальный зал сквозь открытое окно. Рамы окон, как и сам домик снаружи, выкрашены в белый цвет. На самом деле сложно сказать, что это окна – высотой они до самого пола, так что получается, что этот светлый зал с бежевыми стенами и деревянными полами имеет очень много дверей. И вот птица пролетает над светлым роялем, за которым энергично и эмоционально репетирует молодой человек двадцати лет. В брюках и рубашке, с закаченным рукавом он методично, гибкими пальцами выжимает из фортепиано вдохновляющие звуки, его босые ноги нажимают то на левую, то на правую педаль. Теперь птичка, вылетев из противоположного высокого окна, оказалась уже на большой площадке перед главным входом в музыкальный зал, на которой располагался птичий фонтан. Он состоял из высокой трубы и множества мелких, разноярусных трубок и с виду напоминал невысокое дерево. На трубках оставалось место, куда не попадала вода, потому там часто сидели птицы. По краям площадки, над лавочками, были расставлены кованые решетки, нависшие над ними. К середине лета эти решетки были полностью заплетены виноградом, а осенью с них свисали большие гроздья синих и белых ягод. Птичка села на одну из трубок фонтана и, утолив жажду, нырнула в виноград. Эта площадка называлась так же как и фонтан, птичьей. Я думаю, птичка еще долго оставалась со своими друзьями. А вот моя Пышка уже видимо проголодалась и обтирая своим носом мои ноги зазывала меня с собой.

III. Концерт при открытом окне

Когда мы зашли, бабушка уже накрыла на стол. Завтрак был прекрасным. Пышка съев свой завтрак стояла у ног и прищуриив глаза громко мурчала.

– Как твои дела бабушка, ты здесь не скучаешь?

– Что ты! У нас здесь никто не скучает! Вот вчера утром мы пересаживали фиалки с Марьей Федоровной. Замечательные фиалки в этом году! В прошлом году мы высадили лишь по одному листику, а вчера пересадили по кусту уже по десять-пятнадцать листочков в каждом! Так вот, когда мы их пересаживали, из нашего птичника удрала канарейка, она полетела прямо в большой зал зимнего сада так что скучно не было. Мы до обеда пробежали с сачком, по очереди отдыхая и пытаюсь поймать эту вредную птичку. Так что думали, что пересадим к обеду, а управились лишь к вечеру. Непременно зайти к нам в сад. Вот-вот расцветут китайские розы, у нас их двадцать видов, ты будешь в восторге.

– Обязательно зайду, бабулечка. А мы не опоздаем на утреннее выступление? Уже без двадцати десять.

– О, не переживай, Михаил Федорович наверняка еще надевает носки на стулья.

– Какие еще носки?

– Ну, у нас новая мода, вязанные носки на стулья, поскольку без носков стулья царапают новый паркет!

– О, так у вас новый паркет в музыкальном зале! А я смотрю у тебя тоже новые полы.

– Да, в конюшнях перекладывали стойла, поэтому наши полы снимали и отправили туда, а нам постелили новые. Ох, и мусора же было!

– Ничего, зато теперь в доме приятно пахнет липой.

– Да, уж!

Бабушка отложила свое шитье – красивую наволочку, на которой уже появились цветы и листья, и понемногу вырисовывались стебельки. Спрятав пышки от Пышки, некоторые та со страдальческим взглядом проводила в шкаф, бабушка пошла переодеваться. Через пять минут она явилась в бежевом платье с вязанными воротником и манжетами.

Мы опять вышли на аллею, где уже было достаточно много людей и потихоньку пошли в сторону дома музыки, который находился рядом с птичьим двориком. Между листьев высоких деревьев падал мягкий свет. С другой стороны, где-то в кустах, тихо пробежал летний трамвайчик.

Маленькие «бандиты» с огромными воздушными шарами, пробежали мимо нас, пытаюсь обогнать друг друга.

– Возле зала уже много людей.

– Да, а если бы все было готово, то они уже были бы в зале, уже пять минут одиннадцатого, – метко подметила бабуля. – Какой нахал! Он свой паркет любит больше чем цветы!

Как член клуба цветоводов бабушка недолюбливала Михаила Федоровича, поскольку тот запрещал ставить цветы в музыкальном зале, отшучиваясь тем, что в зале будет слишком много прекрасного: и музыка, и цветы... Бабулечка все же не сдавалась и при каждой встрече припоминала, что в музыкальном доме слишком много пустых углов.

– Какой кошмар, он до сих пор обувает эти несчастнее стулья! – доносилось из толпы.

– И сколько осталось? – спрашивал кто-то.

– Еще десять! – выкрикивал тот, кто стоял ближе к окну.

– Пора прекратить это безобразие! Он задерживает концерт в пятый раз. Это никуда не годится!

– Мама, а я успею на урок математики?

– Конечно родной, посмотри вон под то окно. Твой учитель математики тоже здесь. Он похоже пересчитывает сколько носков осталось.

– Все! Он надел все! – закричал, как оказалось, учитель математики.

Все резко стали выстраиваться в стройную очередь. В окне виднелся человек в белой рубашке и серых брюках.

– Сегодня выступает Стриж, – донеслось уже из очереди.

Двери распахнулись. На улицу стремительно выскочил невысокий пожилой человек в бежевом пиджаке в серую клеточку и серых брюках. В кармане пиджака виднелся белый носовой платок.

– Боже мой! – возмутилась бабушка, – вокруг столько прелестных цветов, которые можно прикрепить в петлицу, а он засунул себе в карман эту неприличную вещь!

Этот пожилой человек и был Михаилом Федоровичем, который так долго надевал носки на стулья.

– Приглашаем Вас на утренний концерт. Выступает Илья Стриж. В программе Шопен!

Люди постепенно заходили в зал, подошла наша очередь, за порогом я увидела идеально начищенный липовый паркет. Стулья были так же липовыми с подушками из серого бархата. И к моему удивлению в серых вязаных носочках!

Мы прошли и присели в третьем ряду. Стулья были невысокими и глубокими, даже казалось что это не стулья вовсе, а кресла. К окну подошел пианист и задвинул белую тюль, так как солнце уже начинало светить ярче. Казалось, что это самый спокойный человек в зале. Он медленно присел за рояль и начал перелистывать ноты.

На входе послышался какой-то шум.

– Я же вам говорил, в музыкальный зал вход в обуви с каблуками воспрещается.

– Музыкальный зал такое же общественное место как и все остальные! Где вы видели, чтобы в других местах запрещали носить каблуки?

– Да вы что, не цените общественную собственность, вы же испортите паркет! Обувайте тапочки.

Женщина снисходительно посмотрела на буйствующего у ее плеча дедушку и смирившись сняла туфли и обула серые тапочки, стоявшие у входа, на случай появления недоброжелателей паркета.

Наконец-то все уселись, напротив меня во втором ряду сел Михаил Федорович и подставил под стул свои ноги так, что я увидела подошву его ботинок, на которые был наклеен фетр, серый!

Стриж выпрямил спину, собрался, и прозвучали первые звуки в тихом, спокойном зале. Музыка постепенно заполняла зал и уже не слышно было дыхания людей, сидевших по соседству. Из открытых окон доносился легкий, летний ветерок и звуки были настолько воздушными, что казалось их создает вовсе не человек, а приносит тот самый ветерок откуда-то с неба. В окно было видно фонтан, на котором сидела та самая птичка, встретившаяся мне утром. Видимо она хотела быть первой и прилетела так рано, чтобы занять свое лучшее место у прохладного источника. О этой птичке знал весь город. Она прилетала на каждый концерт и молча слушала музыку. После этого на аллее можно было услышать птичье пение, напоминавшее имитацию прослушанной ранее музыки.

После концерта, поблагодарив музыканта за приятно проведенное время, люди постепенно стали расходиться по своим делам. Я провела бабушку домой. Уже был обед, мы поели и бабушка пошла на свою кровать на обеденный отдых, а я тем временем решила прогуляться по городу в котором уже давненько не была.

Я вышла в просторный светлый коридор. На балконе кто-то сидел в кресле-качалке читая книгу. Мимо пронеслась Пышка, гоняясь за большим жуком. Она была похожа на мохнатого слоненка, ее топот был единственным шумом в доме в обеденное время. Создавалось впечатление, что ее предками были мамонты. Выйдя на улицу я завернула за угол дома и пройдя под аркой каменного забора я опять оказалась на аллее. На ней до сих пор бегали дети. Они выходили гулять по очереди и постоянно сменяли друг друга. Но вся та какофония, которая проходила между ними, казалось, не утихнет никогда. И все же здесь было очень спокойно. Я шла по аллее, вымощенной тротуарной плиткой, разглядывая стоки по бокам дорожки. Интересно, каким же этот мир кажется из-под этих решеток? Я шла и представляла все окружающее таким, каким бы он был для меня, если бы я была листком липы в этой канавке. Было приятно тепло. Детский гомон остался позади, тихо шумели листья. Казалось, что я бреду, в каком-то приятном сне. С аллеи я вышла на маленькую дорожку, ведущую мимо соседних дворов к библиотеке. Этот райский уголок показался еще с далека. Это было очень интересное здание. Оно было квадратным по периметру, все стены его были застеклены, потому в библиотеке было очень светло. Двенадцать колонн держали на себе все здание. Я пробиралась в здание постепенно. Сначала я обошла вокруг, затем прошла во двор, который был высажен вишневым садом с аллеями, лавочками и столиками и наконец поднялась в библиотеку на вакуумном лифте.

IV. Тихо, как в библиотеке

Здание библиотеки казалось очень вызывающим. Оно было выстроено по квадрату, с внутренним двором. Второй этаж, он же последний, высочился на арочных колоннах первого. Хотя первый – сложно было назвать этажом, поскольку пользовались им лишь летом и назывался он летним. Здесь стояло достаточно много стульев, столов, кресел, скамеек, были даже диваны. Место было популярным. Люди всех возрастов, устроившись на облюбованных местах, предавались просвещению. Что касается второго этажа – то это собственно и была библиотека. Колонны первого этажа протягивались до крыши второго, сгибались к середине и смыкались с параллельной колонной. Окна выпуклые и также изогнутые к центру крыши были опоясаны красивым кованым каркасом. На каркасах внизу окна висели круглые, слегка удлиненные, с острыми концами и в такой же заостренной оправе, уличные фонари. С внутренней стороны на крыше стояли солнечные батареи. В углах здания размещались вакуумные прозрачные лифты. Поднявшись на второй этаж, я попала в один сплошной, цельный, огромный читальный зал. Возле каждой колонны, с внутренней стороны здания стояли стеллажи с книгами. Вторая – внешняя сторона зала была выделена для столов, столиков, стульев, кресел, диванчиков и прочей библиотечной мебели. Негласно зал был разделен на зоны. В северном крыле по средам и пятницам собирались любители рукоделия, вечер четверга был посвящен любителям истории. Во вторник и субботу с утра южное крыло принимало самых юных читателей, собственно говоря, для того, чтобы показать что же такое книга и естественно научить читать, в восточном крыле часто проводились выставки художников, местных и приезжих, юных и опытных. В общем, всю неделю, все утро, весь день и весь вечер библиотека неустанно просвещала жителей города.

Я же как раз зашла в восточное крыло, где проходила выставка того самого Михаила Федоровича, которым так возмущалась моя бабушка. Что ж, хочу о нем сказать одно. Он очень любит музыку. Как вышло так, что человек, обладающий прекрасным вкусом в музыке, был лишен способностей в ней, я не знаю. Но то, что он мог ее отобразить в полотнах, я с уверенностью утверждаю. В зале не было ни одного полотна без музыканта либо инструмента. Я свято верю, что музыка в эмоциях. И здесь излита их оглушающая часть. Пианист, в порыве поднявший руку и еще удерживающий клавишу другой, был совершенно поглощен инструментом и совершенно отсутствовал в том времени и пространстве, в котором находились его слушатели. Спина с изящною рукой скрипача и десятки лиц покоренных слушателей, в каждом выражалась нота той струны, за которую зацепил музыкант. Беспечный цыган со своей спутницей – гитарой, веселил свой народ, а более себя и вся музыка выплеснулась безудержным танцем красавиц цыганок взмыв в воздух подола верхних юбок. Задумчивость одинокого саксофониста, спокойно игравшего свою душевную историю закату, слегка прикрыв глаза, он свесил ноги с камня в море, солнце ласково коснулось его саксофона и согрело ему веки. Арфистка, одиноко сидевшая за инструментом у высокого распахнутого окна на заре. Их было множество. В зале было выставлено лишь около пятидесяти полотен. И вот я наткнулась на самого Михаила Федоровича.

– Доброе утро! Как приятно встретить столь юную особу на моей выставке! Как находите мои картины?

– О, они великолепны! Я бы не смогла и подумать, какое множество решений музыки возможно отобразить на полотнах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.